

Гидрология - начало

Л.О.Маркова –

начальник гидрологической станции Екатеринбург

Время отсчитывает 70 год XX века. О гидрологии мне ничего не известно. У кого – то из психологов вычитала, что девочка склонна выбрать мужскую профессию, быть инициативной и ответственной, если в детские годы велико влияние отца. Предполагаю, что это так. «Искать проторенных путей» мне не хотелось, а было смутное желание вольного свежего ветра, новых впечатлений, простора.

Школьная подруга сестры учится в Одессе, приезжает на каникулы, сидим на скамеечке, беседуем. Удивлена, оказывается облака имеют названия, причем двойные: по-русски и по латыни, новое непонятное слово – «визуально», все чудно, необычно и притягательно: кроме географического атласа, есть и атлас облаков.

Заинтересовалась, просматриваю энциклопедию, натываюсь на слово – гидрология. Гидрология – наука, изучающая режим поверхностных вод. Читаю несколько раз. И понимаю, что я хочу узнать, что такое гидрология не по словарю, а больше. Так от облаков, небесной копилки водицы, спустилась на землю к милому берегу реки, роднику, зеркальному озеру.

Пермский Государственный университет, географический факультет, кафедра гидрологии суши. Студенческое общежитие, в комнате 6 девчонок. Четверо учатся на метеорологов, мы двое на гидрологов. Девчонки-метеорологи, выбравшие оседлую специальность, подтрунивают над нами : «Я гоняюсь за туманом, за туманом, за туманом и за запахом тайги». Законченные же вы чудачки!

Первая практика по геологии. Скальные обнажения близь Сухого Лога. Преподаватель по общей геологии подводит группу студентов к ручью, распластавшемуся по всему склону. Завороженно слушаем и рассматриваем многообразие видов эрозионной деятельности, сочетающейся с отложениями и переформированиями донных отложений такого, вполне безобидного, ручья. Лицо геолога изрезано морщинами, оно мне не нравилось, но голос обволакивал, хотелось слушать и слушать. Рассказывал живо, сочно, увлекательно. Чем дольше слушала, тем больше изумлялась красоте описания и объему познания, количеству закономерностей и путей развития вполне рядового, типичного ручья.

Гидрометрия. Боюсь экзамена, запугана читающим этот предмет И.К.Мацкевичем.

– «Экзамены у меня начинаются в 8⁰⁰, заканчиваются в 24⁰⁰. Ем и пью, не выходя из аудитории. Вытянутый билет - зачин для беседы. Вертушку разбирать и собирать с завязанными глазами. Кто сборку будет делать с открытыми глазами - больше тройки не получит». Получила по гидрометрии тройку. Вертушки Прайса, Отта, Жестовского, Бурцева, ГР99... Из всего многообразия вертушек любила только одну – морскую, где шарики разлетаются по желобам, ориентированным по сторонам света, и тем самым определяют скорость и направление движения на акватории.

Братское водохранилище. Приехали втроем. Практика четыре месяца, зачислили работать техниками – гидрологами. Приняла нас Балаганская гидрологическая станция. Штат станции большой:

- 1.Группа речного стока;
- 2.Группа озер;
- 3.Группа метеорологии;
- 4.Ремонтно-восстановительная бригада;
- 5.Катер с капитаном и командой; (капитан всегда в форме и с отменной выправкой, уважали как адмирала);
- 6.Секретарь начальника станции;
- 7.Старший инженер станции Печкин (примерно 30лет; гидролог, Иркутский университет)

8. Начальник (гидролог) закончил Киевский университет (тридцатилетний, по-мужски привлекательный человек).

На станции работали три брата Печкиных, два брата - гидрологи, один брат – океанолог.

Нам были рады, замечательно к нам относились. Моя подруга хорошо пела, играла на гитаре и пианино. Пели всё от «Коробейников» до «Ах, перекаты».

Проверяют наши возможности и характер на Братском водохранилище. Сутки дежурства на катере. Освоили работу на рейдовых вертикалях, заброс термометров. Камень преткновения – облака. Спорим лихорадочно, листаем Атлас облаков, спорим, определяя тип облачности, выбор сделан, записываем. Приходит Печкин, проверяет и говорит: «Неправильно». Наступает новый срок, сейчас сомнений не будет, определим облачность правильно, Печкин не перечеркнет. Итог: все восемь сроков не по Печкину. Балагур Печкин непреклонен, его видение типа облачности всегда не совпадает с нашим. Выезды «в поле», на посты и метеостанции были практически непрерывными.

Лечу одна на самолете над Восточными Саянами инспектировать гидрологический пост и метеостанцию Белозиминск. Подо мной горы, перевалы и удручающая невыносимая болтанка. В самолете 12 человек, сидим друг против друга. Мой бумажный куль самый полный, боюсь расплескать. Наконец приземлились. Самое красивое, самое ухоженное, ослепительно белое место в большом поселке – Белозиминская метеостанция. Любимое занятие местных жителей и гостей поселка в свободное время – гуляя по поселку, любоваться на прекрасный метеорологический комплекс. Гордость за метеостанцию переполняла душу. На метеостанции работала семья: муж, жена и две дочери. Одна из дочерей – наблюдатель на водомерном (новое название – гидрологический) посту. Меня встречают по всем правилам жанра встречи инспектора - уважительно и учтиво. Три часа ночи наблюдатели идут на площадку, я с ними. Дождь хлещет, струи беспощадно и тяжело бьют по голове, темно, холодно (летом в горах особенно холодно). Командировали на инспекцию на три дня, но нелетная погода задержала на инспекции 10 дней.

Много нивелировали. С рабочими ремонтно-восстановительной партии инспектировала отдаленный пост и одновременно контролировала ход строительства нового подвесного мостика. Акт приемки не подписала. «Беседу» со мной проводили по очереди все наши строители, но «ляпы» исправили. Акт приемки моста был мною подписан. Итог – «Ну, ты молодец!».

Распределение. Выбрала сибирские просторы – г. Томск, Гипроводхоз, отдел комплексных изысканий, поехали на место отработки вдвоем с подругой. В отделе изысканий встретили холодно, отчужденно, крайне недоброжелательно: чужаки - временщики. На столах лежали счета, стояли арифмометры. Калькулятор был единственный для всех и являлся главной ценностью. Калькулятор использовали только при инженерных расчетах по эмпирическим формулам. Закончив считать, сразу прятали в шкаф. Если брал кто-то из новеньких (т.е. мы), тут же подходили и, молча, убирали на место. Все гидрологи были выпускниками Томского университета 26-28 лет, начальнику 40 лет - «старик». Обсудив, ситуацию решаем, что ничего ни у кого не спрашиваем. Работаем полностью самостоятельно. Зато дома (нам дали служебную квартиру), разбираемся, как считать, какие формулы использовать, вопросов много, но от принятого решения не отступаем. Вскоре одна уезжает в «поле» с одним начальником партии, другая с другим. «Моя» партия должна делать съемку 20-ти километрового морфоствора в пойме р. Чулым (правобережный приток в среднем течении Оби). Что – такое морфоствор мне не понятно, но молчу. Жить будем в пустующем домике бакенщика на берегу реки. Там уже обосновались геофизики и топографы, гидрологи приехали последними. Двенадцать крепких молодых мужчин, дед повар и единственная женщина - я. Небольшое помещение, «веселым треском трещит затопленная печь», лежанки, над лежанками полог, спальники. Единственный стол многоцелевого назначения. Вечера коротаем с фонариком. До

исходных точек маршрута добираемся то на вездеходе, то, если удобнее по реке, - на моторной лодке. Работаем весь световой день. И так мое первое «поле изысканий» продолжалось три месяца до первых ноябрьских морозов.

В первый день в «поле» не берут. Задание: камеральная обработка нивелировочного журнала. Практика в Балаганске выручила: связующие точки, промежуточные точки, формулы невязки. Вечером начальник партии, как бы между прочим, спрашивает: «Посчитала?». Отвечаю: «Да». Проверяет, удивленно говорит, что был уверен, что не сделаю.

Проходит месяц, мужское сообщество решает отметить гулянкой маленькую изыскательскую победу, сделано много. На душе тревожно, чем закончится пирушка? Из деревни привозят халву для меня и головной платок. Забота была мне приятна, холода не за горами. За стол для братской «вечёрки» даже не приглашают. Лежу на лежанке, читаю и их совершенно не боюсь. За три месяца обособленной жизни, напряженной работы, однообразного питания, я не слышала ни одного грубого, тем более матерного слова. Конец октября, навигация заканчивается. «Лесов таинственная сень с печальным шумом обнажалась»... и «приближалась довольно скучная пора, стоял ноябрь уж у двора». Велико желание нормально помыться, ощутить ликование и легкость в каждой клеточке чистого тела. Как это оказывается дорого! Работа сделана все возвращаемся в Томск.

Горная Шория. С мая по ноябрь изыскания под линию электропередач в долине реки Томь. Протяженность маршрутов более 100км. В помощь набираем студентов - гидрологов Томского университета. Наша мотивация - выполнить в срок объем изысканий для проекта, мотивация студентов - заработать до начала занятий 1 сентября деньги. Мира со студентами у нас не было: распри, противостояние, даже саботаж. Активных смутьянов выгоняли, но студенты работали вяло без огонька, требовали отгулы за работу в выходные дни, отпрашивались в Томск, Новокузнецк, Междуреченск. Волнение не покидает руководство - скоро зима, сроки поджимают, то там, то здесь прореха, а у студентов девиз: «нам всё равно, мы в конце августа уедем».

Набирают выпускников ТГТ (Томский топографический техникум), из числа желающих работать в Гипроводхозе. Дело пошло на лад, работа зашпорилась, забыты слова о нормированном рабочем дне, весь световой день за приборами с банкой тушенки в кармане, работали до сумерек, до ряби в глазах.

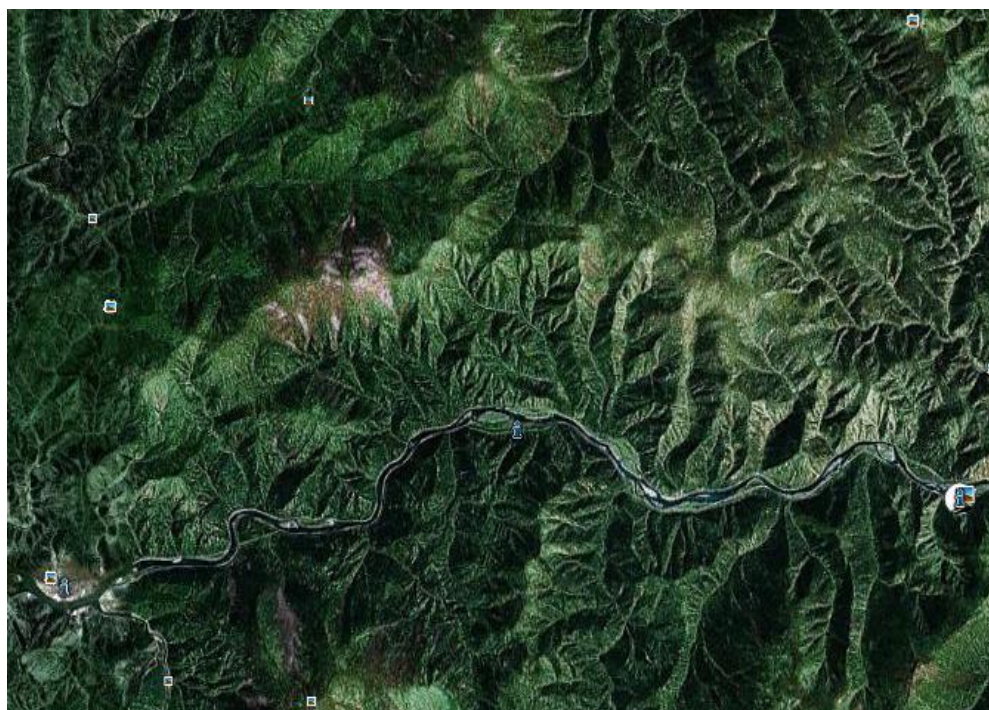

Рис.2 Горная Шория, р. Томь , снимок из космоса.

Красивая природа Горной Шории радовала взор, вдоль русла реки проложена железная дорога до Абакана. Нам разрешена остановка поезда в любой точке по требованию. Река Томь зажата с двух сторон мягкими очертаниями темнохвойного пояса гор. Днем печет солнце, вечером без фуфайки на луну посмотреть не выйдешь. Осенью повар радовал нас прелестными кедровыми шишками, отваренными в ведре с травой. Трава вбирает в себя смолу. По откосам железнодорожного полотна заросли крупной сладкой малины. Несколько минут лакомимся ягодой - малиной и вперед, вперед, вперед. Вновь очередной ноябрь с его первыми морозами, конец полевого сезона, грузимся в поезд. Встречай Томск! Началась напряженная камеральная обработка - груды полевого материала с последующей выдачей «на гора» рекомендаций по установке опор ЛЭП в долине р. Томь.

Рис.3 Опоры. ЛЭП, вдоль русла р. Томь. Воплощение труда изыскателей.

Спустя десятилетия, страсти поутихли, горечь не всегда гладко складывающихся взаимоотношений в бурлящем «Вавилоне» наскоро собранных выездных бригад ушла.

Костяк гидрологического сектора отдела изысканий был крепок и дружен. Мы тесно общались, отношения были доверительными и теплыми. Вместе на работе, в «пиру и в миру», в праздники и в будни.

Сейчас отчетливо понимаю, как много в профессиональном становлении дала производственная практика на ГС Балаганск и работа в Томскгипроводхозе. Это - инженерно-гидрологические расчеты практически по всем разделам речного стока, геодезические работы, гидрометрические работы, расчет деформации речного русла, прогноз развития деформации, расчеты по модному тогда направлению - осушение болот.